

ПЕРСОНЫ

Б. Хеллман

«В ПЯТИ ВЕРСТАХ ОТ ИСТИНЫ»: ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ВАСИЛИЯ КНЯЗЕВА

В статье рассматривается эволюция творчества для детей В. Князева: от первой поэмы «Боба Сквозняков» (1913) до главного произведения — поэмы «Страшный сон» (1925). В начале 1910-х автор создал собственный сказочный мир в книге «Нинкины сказки». После Октябрьской революции Князев сделал неудачную попытку создать коммунистические утопии для детей, но позже сумел вернуться к своей изначальной манере, опубликовав четыре книжки-картинки и поэму «Страшный сон» с ее карнавализацией советской действительности 1920-х годов.

Ключевые слова: сказочный мир, детская поэзия, карнавал, Октябрьская революция, комиксы.

Василий Князев (1887–1937) известен в основном как автор строчки «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами»¹, а также кощунственного сборника «Красное евангелие» (1918). Его политико-сатирические стихи, полные агрессии и коммунистического пафоса, заслужили ему имя «первого пролетарского поэта» наряду с Демьяном Бедным, а интерес Князева к народным частушкам, поговоркам и поговоркам не вызвал особого отклика у власти и читающей публики. Князев, однако, скоро утратил свое заметное место в ранней советской литературе, так же как и слепую веру в советскую идеологию. В 1937 г. его арестовали за «антисоветскую пропаганду», и в том же году Василий Князев умер на тюремном этапе.

Революция 1905 года сделала Князева поэтом. Агитацией, однако, зарабатывать на жизнь было невозможно, и в годы реакции Князеву пришлось расширить диапазон жанров своих произведений и найти новые места для их публикации. Сатира была его сильной стороной, и поэтому не удивительно, что его имя встречается среди постоянных сотрудников журнала Аркадия Аверченко «Сатирикон». Когда в 1911 г. при «Сатириконе» начал выходить детский журнал «Галченоч», Князев стал писать и для него. Решение оказалось удачным. У Князева был прирожденный талант детского писателя, и с дистанции времени мы можем дать высокую оценку его творчеству для детей как до, так и после революции.

Первая попытка Князева писать для детей, однако, не сулила больших надежд. Книжка «Боба Сквозняков», изданная в «Сатириконе» в 1912 г., была результатом совместной работы Князева и Петра Потемкина. Князев писал о школьной жизни Бобы, несправлимого озорника, а Потемкин отвечал за вторую часть «Боба Сквозняков в деревне» (см. [Лощилов 2012]). Очевидным прообразом для текста и, особенно, для иллюстраций послужила книга «Макс и Мориц» Вильгельма Буша, но уровня немецкой классики русские поэты так и не достигли. У Князева ленивый гимназист Боба Сквозняков, для которого школа не лучше тюрьмы, бунтует против учителя. При этом симпатии рассказчика полностью на стороне преподавателя. На словах он пытается убедить читателя, что Боба большой озорник, но единственной известной нам проказой мальчика остается мяукание на уроке. Не признавая своей вины, Боба прячется под скамейкой, а весь класс наказан из-за его шалости. Свою часть текста Князев заканчивает мрачной угрозой: «придет пора — наплачется». Юмора в этом произведении мало, так же как и удачных поэтических решений. Сюжет о проказах Бобы тем не менее содержал определенный потенциал: при желании его можно было бы развивать и публиковать в продолжении, но ни Князев, ни Потемкин в дальнейшем к своему герою не возвращались. Да и журнал «Галченок» на следующий год прекратил существование.

Несколько шаблонным выглядит и стихотворение «Бим и Бом» (1913). Цирковой пудель Бим убегает из уютной, но скучной квартиры в «широкий белый свет». Резвая собака бежит за трамваем и танцует перед людьми. Ее хозяин, клоун Бом, грустит, но, к счастью, его друг решает вернуться. Непритязательный рассказик о дружбе человека и собаки тесно связан с иллюстрациями к нему. По сути, Князев создает как бы объяснения к картинкам. Он дает понять, что выступление пуделя пародирует танец знаменитой Авдотьи Истоминой (на что намекает общеизвестная цитата из «Евгения Онегина»):

Виляя хвостиком пушистым,
Он «быстрой ножкой в ножку бьет»,
И, улыбаясь во весь рот,
Толпа любитесь артистом.

Выбор имен цирковых друзей, возможно, был не случаен — дуэт клоунов Бима (И. Радунский) и Бома (М. Станевский) был любим публикой и пользовался большой популярностью.

В «Кагиной песенке» (1912) Князев удачно имитирует детскую фантазию. Лежа в своей кровати, уже не отличая сон от яви, «любимая

детка» автора, Катя, напевает совершенно абсурдную песню. У овечки, стоящей на мосту, длинный хвост (!), но этот каприз природы не мешал движению, пока не промчался городничий. Тогда овечкин хвост пропадает — без всяких объяснений. Загадочная песня повторяется дважды и, в принципе, может повторяться до бесконечности. При желании этот сюжет можно трактовать как сатиру, направленную против власти, не приветствовавшей проявлений индивидуальности.

Одновременно Князев опубликовал в «Галченке» и в «Солнце России»² стихотворения иного типа: «Сказка о Фее-Усладе» (1912), «Вторая сказка о Фее-Усладе» (1912), «Мурзилкин фрак» (1912), «Мурзилка на болоте» (1912), «Скандал на лужайке» (1912) и «Пляска ночных мотыльков» (1911). Когда в 1913 году «Галченко» перестал выходить, Князев нашел другой журнал — «Задушевное слово» — и там, в 1915 г., этот цикл был издан в качестве приложения под названием «Нинкины сказки». Позже, уже в советское время, этот журнал, чьим основным автором была Лидия Чарская, объявили оплотом мещанства, монархизма и религии. Ретроспективно может показаться странным, что революционный поэт выбрал такое место для публикации, но именно там «фейные» стихотворения Князева отлично вписывались в общий контекст.

Для «маленькой моей приятельницы Нинки», как пишет в первых строчках книги сам Князев, он решил написать «веселые сказки» о «мире природы и цветков», но незнание жанра его стесняет: «Ах, только бы найти необходимый слог!.. / Ведь я, друзья мои, профан в таких вопросах». Помощь приходит с неожиданной стороны, непосредственно из сказочного мира. Проникнуть в заколдованный мир автору помогает мотылек, сажаящий его к себе на спину — вместе они летят в сторону солнца. Там, «в пяти верстах от Истины», готовые «причудливые» сказки кружатся, как бабочки, и поэту остается только их записать («Сказка о сказках»). На такой поворот сюжета Князева могли натолкнуть литературные прообразы, например, цикл «Фейные сказки» символиста Константина Бальмонта, опубликованные в 1905 г. Творческим импульсом могла стать и книга Лидии Чарской «Сказки голубой феи» (1909).

Сказочный мир Князева полон веселья и беспечности. Время действия — август прошлого года, место — сад, аллея, лужайка, полянка, пруд и болота. В этом пространстве обитают зайцы, мелкие насекомые и сказочные фигуры вроде чародея, феи, гномов и эльфов. Из русских переводов книг американца Палмера Кокса «The Brownies»

(первым книжным изданием на русском языке было «Царство малюток: Приключения Мурзилки и лесных человечков», 1898) где появляется Мурзилка (он же «лесной человечек»), заимствован образ тщеславного сноба в малиновой феске, смокинге и перчатках, с моноклем на носу. Эти персонажи отмечают праздники, беззаботно играют и танцуют. Они — «дети солнечного юга», любящие «шум и гам» («Майки», 1913).

Самое высокое положение в иерархии сказочного мира занимает Старый гном, он же Серая борода. Он — «божок» и «пастор», и дует в свой серебряной рог для острастки других («Сказка о сказках»). Фея тоже занимает особое место в «Нинкиных сказках». Дополнение ее имени — «услада», и она любимица всех обитателей этого мира. Происхождение этого образа литературное: фея вышла из кукольной пьески, но при этом она и сама устраивает спектакли, большинством которых, на самом деле, как можно судить по их названиям, являются стихотворения Василия Князева («Вторая сказка о Фее-Усладе»)! Автор игриво смешивает фантазию и действительность также, когда он рассказывает о своем присутствии на праздниках сказочных персонажей. Получается шутливая отсылка к стандартным приемам народных сказок.

В этом мире серьезных опасностей нет. Комары могут нападать на маек³, а первая мысль о приближающейся зиме может испугать Фею и Старого зайца, но всегда существует выход из положения. Коллектив «розовых гномиков» строит теплый дом из соломы для Феи, а заяц покупает белую шубу у Зимы («Сказка о зайчике»). Легкомысленному Мурзилке могло бы плохо прийти, когда он, несмотря на предупреждения, идет на болото собирать морошку («Мурзилка на болоте», 1912). Но испортились лишь его заграничные ботинки, а сам Мурзилка спасается в бутылке, где сидит «усталый, мокрый и босой», кушая бутерброд с колбасой в ожидании помощи. Действительно, весьма забавная сценка.

В стихотворении «Скандал на лужайке» (1912) появляется намек на конфликт. «Бродячий комик» Майский Жук из Ирбита среди ночи вторгается в домик Феи с просьбой о ночлеге. Он высокомерен и полон самомнения: он, мол, служит «святому искусству», он «артист над артистами». Однако Фея неохотно отворяет дверь незваному гостю. Почему возникает скандал? Да потому, что стража домика пренебрегла своими обязанностями и не защитила неприкосновенность Феи. Значит, в феином мире все-таки существует граница между своими и чужими.

В «Нинкиных сказках» автор относится снисходительно ко всем и вся. Тщеславие Мурзилки вызывает только улыбку («Мурзилкин фрак»). Маленький гном строит себе дом «из крохотных дощечек» без всякой помощи, а «любители веселья» появляются только на носовом, когда все готово. Тогда они кричат «ура» и танцуют, поступая так же легкомысленно и по-детски, как насекомые в сказочных поэмах К. Чуковского «Муха-Цокотуха» и «Тараканище». Автор же решил не участвовать в танцах, так как боится стоптать каблук ботинок. Для поведения друзей гнома он не находит критических слов. Сказка называется «О том, как гном построил дом» — тройная рифма в названии хорошо иллюстрирует виртуозное владение Князевым техникой стиха. Его мастерство появляется не только в удачных внутренних, но и в конечных рифмах:

Засмеются Мошки,
Шустрые пилотики,
Кругленькие Вошки,
Надорвут животики,
А уж Каракатица —
Так вот и покатится!

Например, в стихотворении «Скандал на лужайке» Князев пользуется переменчивостью стихотворного размера, чтобы крепче подчеркнуть хаотическую атмосферу:

В фейный домик, тихий домик,
(Где же челядь? Где дозор?
О, позор!)
Ворвался бродячий комик —
Майский жук.
Крепким лбом с налету в двери
Так и бьется: «тук-тук-тук!».

Октябрьская революция обозначила поворот в литературной жизни Князева. Он бросил работу в доживающих последние дни беспартийных журналах и стал рупором большевистской власти. Политический переворот не мог не повлиять и на его творчество для детей. По приглашению Горького, как можно предполагать, он стал сотрудником первого советского детского журнала «Северное сияние». Это недолговременное периодическое издание обращалось к новой публике, к детям рабочих и солдат Красной армии. Для них Князев написал два стихотворения — «Дети коммуны» (1920) и «Сын коммунара» (1920). Историк детской литературы 1920-х Лидия Кон видела в них нечто качественно новое и важное, а именно

«открытую политику, открытую партийность, большевистскую пропаганду и первые картины новой жизни, нового быта советских людей» [Кон 1960, с. 48]. Для партийного поэта Князева эти два стихотворения могли быть шагом вперед, но детского писателя они привели в тупик.

Оба стихотворения являются утопиями, где современность видится из светлого будущего. Для «вольного народа» открылась «огнекрылая свобода». «Окрестной бедноте был отдан дворец царей», и пролетарские дети смогли перейти из сумрачных подвалов, из «каморы тесной» в заветный сад коммуны, где им уютно и просторно. Классовая война закончена, и, в отличие от реальной советской жизни, тем, кто родились в палатах, позволено вступить в коммунистический сад («Дети коммуны»). Садовница, выполняя роль святого Петра у небесных врат, объясняет:

Пускай родился ты в палатах,
Никто тебя не попрекнет:
Здесь нет ни бедных, ни богатых,
Ни угнетенных, ни господ.

«Цветок барской теплицы» уже не страшен, так как

На нашей грядке пролетарской —
Он переймет наш аромат.

Только для шалунов (вроде Бобы Сквозняка) входа нет.

В стихотворении «Сын коммунара» 1919 г. уже стал «доблестным далеко». Мальчик, стоящий у могилы отца, узнает от своей матери о героических подвигах красных бойцов, дает клятву следовать за отцом и «К насильникам всю жизнь питать вражду». Стабильность осуществленной утопии, значит, неполная, так как угроза извне сохранилась.

Князев разумно решил не публиковать свои марксистские детские стихи отдельным изданием. Зато он внес ценный вклад в детскую литературу двадцатых годов четырьмя книжками, вышедшими в 1923 г. — «Как некогда ковбой за пса наказан был судьбою», «Умный удав», «Лев — трусишка: Веселая книжка» и «Сказ о том, как крокодила Мушка в пушку посадила». Книги вышли в издательстве «Academia».

В кратких забавных анекдотах речь идет об общении человека с животными, но не обязательно в гуманных тонах, как утверждает Б. Бегак [Бегак 1971, с. 33]. Зверь может выступать в роли помощника человека (удав выполняет функцию рукава на пожаре) или

его врага (лев гонится за верблюдом). Конфликт возникает из-за оптической ошибки (лев испугался, увидев людей: «Что это за уроды неизвестной породы?»), а ковбой принимает змея за собачьи экскременты. Человеку часто приходится признать, что зверь хитрее его.

События четырех анекдотов происходят не в Советской России, а в Америке и в Африке. Объяснение этому надо искать в иллюстрациях. В качестве иллюстраций ко всем названным книгам использованы рисунки Каран д'Аша, известного французского карикатуриста⁴. Благодаря своим «историям без слов» Пуаре Каран д'Аш считается одним из родоначальников жанра комикса и мультипликации. Князев выбрал четыре юмористических «рассказа в картинках» Пуаре конца XIX в. и написал для них тексты⁵. Строфы Князева являются одновременно объяснением и толкованием картинок. Цветные обложки книжек сделал известный в будущем театральный режиссер Николай Акимов (1901–1968).

Главное произведение Князева для детей — «Страшный сон». Книга вышла в 1925 г. с иллюстрациями А. Радакова, бывшего редактора «Галченка». Если тираж четырех книг издательства «Academia» был 3 000 экз., то Государственное Издательство (ГИЗ) выпустило 7 000 экз.

Пролог к «Страшному сну» — стихи «Маленькое о маленьком», опубликованные в детском журнале «Жаворонок» в начале 1917 г. В первых четырех строфах говорится о страшном сне маленького мальчика: сперва на него нападает слон, а потом тигр. Он просит помощи у родителей, и отцу удается выгнать тигра, который внезапно материализуется: «Не картонный тигр — а живой». В дальнейшем речь идет не о кошмарах мальчика, а о некой действительности «после сна». Сугубо семейная драма приобретает грандиозный масштаб, когда события перенесутся на улицы Петрограда. В появлении неожиданного, грозного гостя в городе можно видеть интертекстуальные ссылки на «Медный всадник» Пушкина и «Конь блед» Валерия Брюсова. Князевский тигр бежит с улицы Рубинштейна (тогдашней Троицкой), вдоль Невского проспекта (тогда — Октябрьский проспект), по набережной реки Мойки к Исакиевскому скверу. Троицкая улица как начало этого приключения появляется не случайно — там, в так называемом Толстовском доме, в 301-й квартире, жил сам поэт со своей женой и тогда 11-летним сыном, Василием Васильевичем.

Появление тигра в городе вызывает страх и панику. Люди бегут домой, кони на Аничковом мосту срываются со своих постаментов,

а памятники Екатерине II, Кутузову, Николаю I и Петру I («Медному всаднику») оживают. Победителем (и спасителем лошадей от львиной пасти) оказываются не эти исторические персонажи, а маленький пионер, выходящий из гостиницы «Астория» с духовым пистолетом в руке:

Пробку в дуло забивает,
Напевает:
Страха нет!
Бах... бах...
Та-ра-рах —
Тигр с разбегу — чебурах!
Хлоп, хлоп —
Прямо в лоб!

Все опять на месте; только у ожившего памятника Кутузова трудности продолжают, но не из-за тигра, а из-за советской бюрократии. Он ехал на трамвае без билета и не смог заплатить штраф в три миллиарда кондукторше Вере — в результате его арестовывают. Мальчик, увидевший сон, его родители, тигр и храбрый пионер забыты; осталась только жалкая фигура Кутузова, потерянная во времени и в пространстве. Литературовед Б. Бегак критикует книгу за «сумбурность» [Бегак, 1971, с. 33], в то время как, на самом деле, именно непредсказуемость и авторское своеволие являются ее главным достоинством.

В «Страшном сне» действует принцип карнавализации: разные временные эпохи смешиваются, исторические герои становятся смешными, взрослые — трусливыми, а маленький мальчик оказывается героем. Переключка с поэмами-сказками К. Чуковского очевидна: в поэме «Крокодил Крокодилович» (1917) крокодила, терроризирующего тот же Петроград, побеждает маленький Ваня с его игрушечной саблей⁶. Та же установка повторяется и в «Тараканище», и в «Мухе-цокотухе». Стоит также упомянуть, что детские стихи Князева о насекомых хронологически опережали соответствующие тексты Чуковского.

Кроме того, Князев работал в духе знаменитых заповедей Чуковского для детских поэтов: его поэма отличается графичностью, быстрой сменой образов, ритмическим разнообразием, скупым употреблением прилагательных и игривым настроением. «Страшный сон» также подготовил почву для абсурдной поэзии обэриутов. Не тигр ли из поэмы Князева появляется в миниатюре Даниила Хармса «Тигр на улице»?

Василий Князев не относился серьезно к своим детским произведениям. Он явно не хотел делать ставку на них, и в книги своих избранных произведений эти тексты не включал. В советское время наследие Князева, как и многих репрессированных в годы террора, оказалось на периферии официальной истории литературы, хотя директивно оно как будто и не запрещалось. Но читающая публика уже не увлекалась революционной сатирой, а остальные стихи редакторы, видимо, опасались публиковать. О детских стихах Князева вспомнили только в 1997 г.: Е. О. Путилова включила несколько стихотворений в сборник «Русская поэзия — детям». Но в энциклопедических статьях о творчестве Князева его книги для детей по-прежнему лишь бегло упоминаются.

Примечания

¹ Стихотворение «Песня коммуны» (1918).

² Иллюстрированный еженедельный журнал «Солнце России» выходил в Санкт-Петербурге с 1910 по 1916 год. Издатель А. Э. Коган.

³ Под «майками», судя по иллюстрации В. Чеснокова из издания 1915 г., подразумеваются майские жуки.

⁴ Caran d'Ache (Emmanuel Poiré), 1858–1909.

⁵ Борис Бегак первым идентифицировал Каран д'Аша как француза Caran d'Ache, не указав, однако, конкретные источники [1971, с. 33]. Книжка «Как некогда ковбой за пса наказан был судьбою» построена на картинной истории «Trappeur d'Arkansas, ou Une Erreur Judiciaire» (Caran d'Ache. Bric a Brac: Album. Paris, [1893]. С. 47–50), «Лев — трусишка: Веселая книжка» — «Le lion, le chameau et les anglais» (Caran d'Ache: Album troisième. Paris, [б.д]. Р. 6–11) и «Сказки о том, как крокодила Мушка в пушку посадила» — «Pêche au saïman» (Там же. Р. 16–19). Источник рисунков к книге «Умный удав» пока не найден.

⁶ В 1923 г. Князев опубликовал под псевдонимом резку статью, где он пытался читать «Крокодила Крокодиловича» как аллегорию (Товавакия Черкан. «И туда, и сюда, как попова дуда» // Красный ворон. №5. С. 4).

Источники

Князев В. Бим и Бом // Галченко. 1913. №34.

Князев В. Боба Сквозняков. СПб.: Сатирикон, 1912.

Князев В. Вторая сказка о Фее-Усладе // Галченко. 1912. №10.

Князев В. Дети коммуны // Северное сияние. 1920. №7/12.

Князев В. Зимняя сказка // Солнце России. 1912. №52.

Князев В. Как некогда ковбой за пса наказан был судьбою. Пг.: Academia, 1923.

Князев В. Катина песенка // Галченко. 1912. №33.

Князев В. Лев — трусишка: веселая книжка. Пг.: Academia, 1923.

Князев В. Маленькое о маленьком. II: Мой сыночек видел сон... // Жаворонок. 1917. №1.

Князев В. Майки // Задушевное слово. 1913. Т. 53. №34.

Князев В. Мурзилка на болоте // Солнце России. 1912. №10.

- Князев В.* Мурзилкин фрак // Галченко. 1912. №27.
- Князев В.* Нинкины сказки. Приложение к журналу «Задушевное слово». Пг., 1915.
- Князев В.* О чем пел колокол. Пг.: Пролеткульт, 1920.
- Князев В.* Пляска ночных мотыльков// Галченко. 1911. №23.
- Князев В.* Сказ о том, как крокодила Мушка в пушку посадила. Пг.: Academia, 1923.
- Князев В.* Сказка о зайчике // Солнце России. 1911. №59, Северное сияние. 1919. №1/2.
- Князев В.* Сказка о Фее-Усладе // Галченко. 1912. №8.
- Князев В.* Скандал на лужайке // Солнце России. 1912. №11.
- Князев В.* Страшный сон. Л.: ГИЗ, 1925.
- Князев В.* Сын коммунара // Северное сияние. 1920. №1/6;
- Князев В.* Умный удав. Пг.: Academia, 1923.

Исследования

- Бегак Б.* Дети смеются: Очерки о юморе в детской литературе. М.: Дет. литература, 1971.
- Кон Л.Ф.* Советская детская литература 1917-1929 гг.: очерки истории русской детской литературы. М.: Детгиз, 1960.
- Лоцилов И.* Детская поэма Петра Потемкина «Боба Сквозняков в деревне» // Детские чтения. 2012. №2. С. 146–162.